

Политика

Политика Японии в сфере военной безопасности при кабинетах С. Абэ: новые подходы

© 2016

Д.В. Стрельцов

Статья посвящена новой политике Японии в сфере военной безопасности после возвращения в 2012 г. к власти Либерально-демократической партии. Автор рассматривает основные концептуальные документы стратегии Японии в этой области. Их анализ показывает, что курс Токио отражает отход от традиционного понимания пацифизма как отрицания права государства на войну.

Ключевые слова: кабинет Абэ, политика Японии, военная безопасность, право на коллективную самооборону

Возвращение Либерально-демократической партии во власть в декабре 2012 г. ознаменовало собой качественный поворот в политике страны в сфере национальной безопасности. Правительство приняло целый ряд новых программных документов, регулирующих государственную политику в военной области, обновило нормативную базу, проведя через парламент несколько законов в этой сфере. Все это дает повод говорить об отходе страны от своего пацифистского статуса.

Курс на «подведение итогов» Второй мировой войны был выдвинут еще в 1980-е годы тогдашним премьер-министром Японии Я. Накасонэ. На протяжении нескольких десятилетий в стране проводился последовательный демонтаж практически всех ограничений на военное строительство, за исключением 9-й статьи конституции и нескольких видов самоограничений, не получивших законодательного оформления («трех неядерных принципов»). Однако законченное оформление политика правительства, направленная на создание сильной в военном отношении Японии, получила именно после прихода к власти второго кабинета С. Абэ. Новым правительством сразу стали предприниматься шаги, направленные на усиление компоненты военного строительства в политике обеспечения национальной безопасности¹.

К обновлению базовых подходов к политике в сфере безопасности японское руководство подталкивали произошедшие в начале второго десятилетия XXI в. крупные

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО (У) МИД РФ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16–03–00602 «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России».

изменения экономического, международно-политического, военного и технологического характера. Многие из таких изменений стали рассматриваться в Токио в качестве вызовов и даже угроз для национальных интересов страны. В их числе — политика Северной Кореи, направленная на развитие своего военного, прежде всего ракетно-ядерного потенциала, рост военной мощи Китая, предъявляющего Японии претензии на острова Сэнкаку, а также новые угрозы, например, связанные с международным терроризмом и киберпреступностью.

К изменению базовых подходов правительство толкала и внутривластная обстановка. Свою роль играли демографические изменения: на смену послевоенному поколению, помнящему ужасы войны, пришла новая генерация, многие представители которой стали выступать за отказ от пацифистских самоограничений. Кроме того, анти-японские погромы в Китае 2012 г. вызвали всплеск националистических настроений. Приход в декабре 2012 г. к власти кабинета С. Абэ, олицетворявшего правоконсервативное крыло в руководстве Либерально-демократической партии (ЛДП), отвечал этим новым общественным настроениям.

Оппозиционные силы были слабыми и разрозненными. Левые и левоцентристские партии, настроенные наиболее решительно против усиления военной компоненты в политике Японии и тем более пересмотра конституции, не получили по итогам выборов 2012 и 2014 гг. значимого представительства в обеих палатах парламента. Что касается основной партии парламентской оппозиции — Демократической, в ней отсутствует единая точка зрения на политику правительства в сфере безопасности, в связи с чем она оказалась неспособной выдвинуть действенную альтернативу законодательным инициативам ЛДП.

Правящая коалиция ЛДП и Комэйто получила на последних двух выборах в нижнюю палату квалифицированное большинство, позволявшее ей проводить через парламент любые законодательные инициативы, кроме бюджетных, не считаясь с мнением палаты советников, где такого большинства у нее не было. К тому же, в правящей партии произошла определенная консолидация вокруг личности С. Абэ, который в отличие от своих предшественников чувствовал себя гораздо увереннее и мог не считаться с существованием «пацифистской» оппозиции в рядах собственной партии.

Уместно вспомнить, что еще в период своего первого кабинета, сформированного в 2006 г., С. Абэ заявлял о необходимости «покончить с послевоенным режимом». Основные его лозунги заключались в намерении изменить конституцию, отойти от взгляда на историю, «навязанного» Японии Токийским трибуналом, изменить базовый закон об образовании, сделав упор на воспитание патриотических чувств и т.д. Тогда намеченное выполнить не удалось: кабинет стал объектом острой критики оппозиции и просуществовал всего лишь год, а сам С. Абэ ушел в отставку «по состоянию здоровья». Теперь же, в период второго и третьего кабинетов, внутривластные условия, связанные с наличием у правящей коалиции уверенного большинства в парламенте, позволяли С. Абэ реализовывать на практике свою программу «подведения итогов» Второй мировой войны без больших помех.

Попытаемся подытожить те меры в области безопасности, которые предприняла Япония с момента формирования в декабре 2012 г. второго кабинета Абэ. Прежде всего, была обновлена концептуальная база стратегии Японии в сфере национальной безопасности. Следует учесть, что государственная политика Японии в этой сфере ранее практически не имела цельной и последовательной концептуальной основы. Единственным документом в этой области можно назвать «Базовую политику в области национальной обороны», принятую кабинетом министров Японии еще в 1957 г. и безнадежно устаревшую в качестве практического руководства к действию.

В середине декабря 2013 г. правительство Японии приняло целый пакет программных документов, определяющих государственную стратегию в области обеспече-

ния национальной безопасности на обозримую перспективу. В их числе — «Стратегия обеспечения национальной безопасности»², содержащая концептуальное видение проблем национальной безопасности и подходов к их решению на 10-летний период. В документе подчеркивалось, что меры по обеспечению национальной безопасности должны основываться на всей совокупной мощи государства, охватывая сферы дипломатии, экономической и технологической политики.

Другой документ — «Основные направления плана национальной обороны»³ ставил задачу всемерного наращивания национального потенциала «динамичной обороны». Понятие «динамичной обороны» подразумевало такую модель военного строительства, при которой боевые возможности «сил самообороны» должны использоваться с максимальной гибкостью и эффективностью. Приоритет отдавался мобильности боевых подразделений, их способности к быстрому реагированию и перемещению в соответствии с изменениями оперативной обстановки. «Основными направлениями» предусматривалась модификация потенциала «динамичной обороны» как в количественном, так и в качественном отношении для повышения его эффективности и целостности⁴.

Для пропагандистского обеспечения нового курса в сфере национальной безопасности кабинетом Абэ было введено в оборот понятие «активного пацифизма», нашедшее свое отражение в обоих концептуальных документах. Например, в «Стратегии обеспечения национальной безопасности» указывалось, что Япония стремится более активно вносить вклад в мир и процветание мирового сообщества, действуя на позициях «активного пацифизма».

Тогда же правительством была принята «Среднесрочная программа развития оборонного потенциала на период с 2014 по 2019 гг.»⁵. Главный упор в ней был сделан на конкретных шагах по наращиванию мощи морских и сухопутных формирований высокой мобильности, способных защитить «отдаленные острова» на юго-западном направлении, а при необходимости — и отбить их у противника. Рассчитанной на пять лет программой провозглашалась необходимость создания «объединенного оборонного потенциала гибкого реагирования», который обеспечил бы эффективное взаимодействие сухопутных, морских и воздушных Сил самообороны. В основе данной программы лежал сценарий, согласно которому Китай попытается силой захватить острова Сэнкаку, в связи с чем в программе ставилась задача повышения боеготовности сил и средств боевого обеспечения, прежде всего разведки, наблюдения, охраны морского и воздушного пространства страны вокруг спорных территорий.

Принятие программных документов, отражавших курс правительства в области безопасности, подкреплялось приоритетным бюджетным финансированием Сил самообороны. С 2013 фин. г. японский бюджет стал демонстрировать тенденцию к росту, причем в 2014 фин. г. темпы его увеличения, составившие 2,2%, оказались рекордными за последние 18 лет. Одновременно была увеличена, хотя и незначительно, штатная численность Сил самообороны.

Таблица 1

Оборонные расходы Японии в 2010–2015 фин. г. (млрд иен)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016 (запрос)
Общие расходы	4683	4663	4645	4680	4784	4822	4930
Динамика по отношению к предыдущему году (%)	-0,4	-0,4	-0,4	0,8	2,2	0,8	2,2

Источник: Министерство обороны Японии. URL: www.mod.go.jp/e/d_budget⁶

Правительством были внесены коррективы и в институциональную основу политики в сфере национальной безопасности. В июне 2013 г. для координации государственной политики по вопросам безопасности был создан Совет национальной безопасности⁷, призванный стать своего рода «командным центром» в выработке политики в сфере дипломатии и национальной безопасности. Цель его, по словам японского премьер-министра, была направлена на консолидацию всех потоков информации в Секретариат кабинета министров и ее более эффективного использования при принятии решений в вопросах национальной безопасности⁸.

В начале декабря 2013 г. через парламент был проведен, а в декабре 2014 г. вступил в силу Закон о защите государственной тайны, существенно облегчивший для правоохранительных органов процедуру привлечения граждан страны к ответственности за разглашение государственных секретов и увеличивший максимальные сроки наказания за подобные правонарушения. 1 июля 2014 г. кабинетом Абэ была опубликована новая трактовка права на коллективную самооборону.

В апреле 2015 г. в ходе официального визита в США премьер-министра Японии С. Абэ была принята новая редакция «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны». Наконец, в сентябре 2015 г. японский парламент одобрил выдвинутый правительством пакет из одиннадцати законов, касающихся политики в сфере военной безопасности. В поддержку нового законодательства выступили обе партии правящей коалиции — Либерально-демократическая партия и Комэйто, а также несколько примкнувших к ним в последний момент мелких партий.

В результате предпринятых правительствами С. Абэ шагов был достигнут определенный качественный поворот в политике Японии в сфере национальной безопасности. Попытаемся далее рассмотреть основные моменты, характеризующие и новые подходы Японии к этой политике, в том числе обновленную трактовку правительством права на коллективную самооборону, а также качественные изменения в японо-американском военно-политическом союзе.

Вопрос о праве на коллективную самооборону изначально встал в Японии на повестку дня в контексте проблемы пересмотра конституции. Еще в 1972 г. кабинет министров Японии установил, что 9-я статья конституции не запрещает право на коллективную самооборону «в целях защиты права народа на жизнь, свободу и устремление к счастью».

С. Абэ неоднократно заявлял о необходимости изменения конституции и устранения из нее тех положений статьи 9, которые запрещают Японии иметь вооруженные силы. Однако правительство не решалось в открытую поставить вопрос об этом в парламенте: для ревизии Основного закона потребовалось бы одобрение поправок верхней палатой парламента, где у правящей коалиции отсутствовало необходимое для этого квалифицированное большинство, а также последующее вынесение данного вопроса на общенародный референдум, в благоприятном для себя исходе которого правительство имело все основания сомневаться.

Придя к выводу, что конституцию, скорее всего, изменить в ближайшее время не удастся, кабинет Абэ пошел по пути расширительной ее интерпретации. Речь в первую очередь шла о признании соответствующим Основному закону расширительного понимания права на коллективную самооборону.

Японская трактовка «права на коллективную самооборону» традиционно отличалась от устоявшейся в мире точки зрения, в соответствии с которой нападение на одного из участников соглашения о коллективной самообороне автоматически приравнивается к нападению на всех его участников. В противоположность этому, в официальном понимании Токио право на коллективную самооборону распространялось только на случаи непосредственной угрозы суверенитету и территориальной целостности самой Японии и не могло быть использовано для применения силы в случае нападения на любые другие страны, включая партнеров Японии по союзу. В результате любые действия Сил само-

обороны по налаживанию оперативного взаимодействия с США при выполнении совместных боевых задач оказывались в юридическом вакууме. Сторонниками правительства часто приводился такой пример: при вражеской атаке на американский боевой корабль находящиеся поблизости корабли морских Сил самообороны не имеют права оказать ему поддержку своими огневыми средствами.

Другим важным моментом для понимания существа данной проблемы является крайне жесткая законодательная среда вокруг Сил самообороны. Например, в Японии отсутствовал универсальный закон, предоставлявший правительству право на применение военной силы за рубежом: каждый такой случай требовал принятия специального закона, определяющего жесткие временные, географические и иные границы военной миссии. К числу подобных законов относились, в частности, Закон о специальных мерах по борьбе с терроризмом 2001 г.; Закон о специальных мерах, касающихся гуманитарной помощи, работ по восстановлению и помощи в налаживании безопасности в Ираке и др.

Опубликованная летом 2014 г. правительственная интерпретация права на коллективную самооборону предполагает возможность использования Сил самообороны в рамках союзнических миссий, не обязательно в связи с угрозой суверенитету и территориальной целостности самой Японии. Согласно новой интерпретации, реализация права на коллективную самооборону возможна при наличии трех условий: 1) имеет место военное нападение на страну, «имеющую тесные отношения с Японией», и при этом существует очевидная «фундаментальная угроза» самому существованию Японии и праву японского народа на жизнь, свободу и стремление к счастью; 2) нет иных способов защиты народа; 3) сила будет использована в минимальных пределах⁹.

Потенциал применения данного права может быть рассмотрен по двум основным направлениям. Во-первых, это обеспечение безопасности самой Японии от внешнего нападения. Действующее законодательство (Закон о Силах самообороны, Закон о вооруженном нападении и др.) дает правительству право применять вооруженную силу только в случае внешней агрессии в отношении территории Японии. Право на коллективную самооборону в новой трактовке такого жесткого ограничения не имеет. Таким образом, в интерпретации права на коллективную самооборону произошел переход от географического подхода (Япония и «близлежащие территории») к ситуативному, при котором применение данного права признается для любых ситуаций, имеющих серьезную угрозу безопасности Японии.

В первую очередь это новшество касается японо-американского Договора безопасности, сфера действия которого традиционно была ограничена районами вблизи Японии. Новая трактовка создает дополнительные возможности для взаимодействия Японии с США, например, в деле совместного патрулирования и совместной обороны морских коммуникаций. Япония получила больше правовых возможностей для проведения совместных боевых операций, например, когда Силам самообороны необходимо провести дозор, а при необходимости и задержание судов с оружием, направляемых в адрес стран, ведущих боевые действия против США, дозаправку в воздухе американских боевых самолетов, выполняющих операции в Восточной Азии и т.д. Более серьезной и юридически обоснованной стала правовая база для японского вклада в разработку системы противоракетной обороны, включая его технологические, финансовые и логистические аспекты.

Во-вторых, это вклад Японии в дело мира и международной безопасности. Речь идет о ситуациях, не связанных с внешней агрессией против Японии и угрозами ее безопасности.

Начиная с 1992 г., Япония активно наращивала свое участие в миротворческих операциях ООН, в ходе которых Силы самообороны проводили операции по оказанию логистической, инженерной, гуманитарной помощи в странах, пострадавших от военных конфликтов. Однако для полноценного участия в деятельности миротворческих миссий необходимо наделить Силы самообороны юридическим правом применять оружие. Дей-

ствующие в стране законодательные акты (Закон о Силах самообороны 1954 г., Закон о сотрудничестве с ООН по поддержанию мира 1992 г., Закон о мерах по противодействию пиратству 2009 г. и др.), составляющие наряду с конституцией страны правовую основу для такого участия, по сути, ограничивают любые действия японских миротворцев в зонах поддержания мира гуманитарными целями и практически не допускают их участия в боевых действиях. Например, в соответствии с обозначенными Законом о сотрудничестве с ООН так называемыми «пятью принципами» участия в миротворческих операциях, японские военные могут направляться только в районы, где достигнуто соглашение о прекращении огня, а использование ими оружия признается только «в минимальном объеме для защиты жизни персонала»¹⁰.

Для Японии открываются две возможности применения новой трактовки права на коллективную самооборону в целях «вклада в дело мира». Во-первых, это собственно миротворческая деятельность под эгидой ООН, касающаяся гуманитарных миссий за рубежом. Речь идет, например, о строительстве дорог, мостов, больниц и школ, снабжении населения водой и т.д. — т.е. всем тем, чем военнослужащие Сил самообороны занимались в ходе миротворческих операций в Ираке, Мозамбике, Южном Судане и т.д. Во-вторых, это тыловая (логистическая) поддержка стран-союзников Японии при реализации ими миротворческих миссий. Именно этот вид помощи оказывался Японией в период 2001–2007 гг., когда та осуществляла миссию в Индийском океане по обеспечению горючим и водой военных кораблей стран-участниц антитеррористической коалиции в Афганистане.

Новое законодательство позволяет японскому правительству на постоянной основе отправлять Силы самообороны за рубеж для оказания материально-технической и логистической поддержки союзникам. Теперь исчезла необходимость в принятии каждый раз специальных законов о проведении конкретных военных операций, как это случалось ранее, например, когда Япония направляла своих военнослужащих в Ирак и Афганистан.

Однако положение о том, что участие Японии в миротворческих миссиях за рубежом не дает ей права на «применение силы» (т.е. на ведение полноценных боевых действий), в силу конституционных ограничений сохраняется в полной мере. Разрешается лишь применение оружия для защиты жизни самих японских военнослужащих, например, в странах, где недостаточно обеспечен общественный порядок и существует угроза терроризма.

Принятие нового законодательства с области национальной безопасности нельзя рассматривать в отрыве от курса Японии на укрепление союзнических отношений с Соединенными Штатами. В рамках пакетного законодательства, одобренного японским парламентом в сентябре 2015 г., есть и «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области национальной обороны» — основной документ, касающийся оперативного взаимодействия вооруженных сил США и Японии. Новая редакция «Руководящих принципов» была подписана лидерами двух стран в ходе визита в США премьер-министра Японии С. Абэ в апреле 2015 г.

Действовавшая до этого редакция «Руководящих принципов» 1997 г. обозначала особую роль Японии в тыловом обеспечении американских войск и иные методы взаимодействия в «районах, окружающих Японию». В редакции 2015 г. появились следующие принципиально новые моменты.

Во-первых, между Японией и США было решено учредить постоянно действующий Координационный орган альянса — Alliance Coordination Mechanism (АСМ) с участием представителей различных министерств и ведомств США и Японии. Его главной целью стала координация действий в чрезвычайных ситуациях, затрагивающих интересы двух стран. Создание такого постоянного органа, аналога которому ранее не существовало, означает, что союзнические отношения США и Японии перешли на более высокий уровень институционального оформления, свойственный полноценному военному блоку.

Во-вторых, в обновленной редакции «Руководящих принципов» свое отражение получил более высокий уровень оперативного и стратегического сотрудничества Сил самообороны Японии и вооруженных сил США. В документе отсутствуют ранее существовавшие в нем указания на географические рамки двустороннего сотрудничества. Японо-американское сотрудничество было провозглашено «неделимым» (seamless), т.е. охватывающим как территории мира и спокойствия, так и районы боевых действий. Фактически это переводит сферу взаимодействия вооруженных сил двух стран с регионального уровня на глобальный.

Возможны следующие сценарии развития подобного сотрудничества: Япония, основываясь на новом понимании коллективной самообороны, примет участие в скоординированных с Вашингтоном операциях по разминированию морских акваторий, перехвату ракет противника, сбору разведывательной информации и решению иных оперативно-тактических задач, не обязательно привязанных к национальным границам страны. Кроме того, «Руководящие принципы» фактически дают японскому руководству карт-бланш на проведение логистической и тыловой поддержки армии США по всему земному шару, а также на военные поставки за рубеж. В ближайшее время правительство планирует внести на этот счет поправки в закон 1999 г. о логистической поддержке США.

Одним из вероятных кандидатов на роль полигона такого взаимодействия многие называют Ближний Восток, где США ожидают от Японии действенной помощи в борьбе против террористического «Исламского государства». С. Абэ заявлял о том, что Япония может направить свои военные корабли в Ормузский пролив для ведения операций по разминированию, так как прекращение поставок нефти в Японию будет представлять угрозу ее национальной экономике¹¹. В ходе своего визита в Токио в апреле 2015 г. министр обороны США Э. Картер заявлял о том, что обновленная редакция «поможет двум странам гибко реагировать на весь спектр вызовов, перед которыми мы стоим в АТР и во всем мире в целом»¹².

В-третьих, обновленная редакция «Руководящих принципов» выделила новые сферы оборонного сотрудничества США и Японии, которые отсутствовали в предыдущих реакциях документа — в сфере космоса и кибербезопасности. Эти сферы имеют особое значение в контексте стоящих перед альянсом новых вызовов и угроз. Было указано и на необходимость японо-американского сотрудничества в сфере создания военной техники.

Следует отметить, что большинство опросов общественного мнения, проводившихся на протяжении всего периода рассмотрения пакетного законопроекта о национальной безопасности в парламенте в 2015 г., показали негативное к нему отношение со стороны большей части японского общества. Например, согласно опросу телерадиовещательной корпорации NHK, проведенному в сентябре 2015 г., в поддержку закона высказались 19% опрошенных, против — 45%, определенного мнения не имели еще 30% респондентов¹³. В период рассмотрения законопроекта в парламенте и особенно в день принятия закона в стране проходили многотысячные демонстрации протеста.

Почему же правительству, несмотря на все усилия (публичные слушания в парламенте продолжались более 200 часов) так и не удалось убедить японцев в правильности сделанного выбора? В японской печати и аналитических комментариях высказывается точка зрения о том, что хотя в слушаниях приняли участие сам премьер-министр и министры его кабинета, необходимость в принятии нового законодательства так и не получила достаточного обоснования, а правительство не смогло дать ответы на ряд принципиальных вопросов.

Прежде всего, о своем несогласии с новым пакетным законодательством заявили японские юристы — специалисты по конституционному праву. Согласно проведенному в июне 2015 г. газетой «Асахи» опросу, в котором приняло участие 122 эксперта, 104 рес-

пондента высказали мнение о том, что законопроект «противоречит конституции»¹⁴. Свою оппозицию данному законопроекту, как «не отвечающему конституции», выразили даже те юристы, которые были привлечены правящей ЛДП, включая видного японского юриста, профессора университета Васэда Ясуо Хасэбэ¹⁵. При этом 50 респондентов заявили о несоответствии Сил самообороны конституции страны и еще 27 — о том, что такое несоответствие «вероятно». 63% опрошенных были против утверждения, что Силы самообороны отвечают мирным положениям конституции¹⁶.

Очевидным поводом для критики стала сама процедура применения права на коллективную самооборону. В пояснениях правительства говорилось о том, что именно кабинет министров будет решать, отвечает ли создавшаяся ситуация военного конфликта условиям, легализующим применение военной силы. Иными словами, поскольку использование Сил самообороны является актом, затрагивающим основы конституционного строя, принятие решений в этой сфере правительством без согласования с парламентом, по мнению многих экспертов, влечет за собой нарушение принципов взаимоотношений исполнительной и законодательной властей. Многие справедливо указывают на то, что исполнительная власть может отдать приказ о применении силы, который приведет к гибели японских военнослужащих, исходя из собственного видения ситуации и суждения о том, угрожает ли ситуация существованию Японии и правам ее граждан¹⁷. К тому же, повышается риск нарушения принципа гражданского контроля, когда решения исполнительной власти, неподконтрольные законодательной, могут быть приняты исключительно под влиянием военной бюрократии.

Большие нарекания вызывала размытость и нечеткость критериев, касающихся условий применения права на коллективную самооборону. Так, не вполне юридически грамотными являются понятия «страны, имеющей тесные отношения с Японией», а также понятия «фундаментальная угроза» самому существованию Японии и «праву японского народа на жизнь, свободу и стремление к счастью». Сомнения вызывают и рамки понятия «тыловой поддержки», которую Япония обязана будет оказывать своему партнеру по коллективной самообороне, ведущему боевые действия в регионах, расположенных вдали от Японии (например, в какой мере она должна будет участвовать в тыловом обеспечении, поставках военных материалов, вооружения и военной техники, являются ли поставки боеприпасов в район боевых действий формой участия в конфликте и т.д.).

В связи с расширением союзнических обязательств Токио перед Вашингтоном наиболее сильные протесты у японцев вызывает перспектива вовлечения Японии против ее воли в вооруженные конфликты с участием американских военных по всему миру.

В послевоенной истории было немало ситуаций, когда Япония вольно или невольно выступала косвенным участником различных локальных войн и конфликтов в Восточной Азии. Достаточно вспомнить развитие событий во вьетнамской войне (когда американская авиация, осуществлявшая бомбардировки Северного Вьетнама, действовала с территории Японии), тайваньский конфликт, а также конфликт на Корейском полуострове. Очевидно, что новая трактовка права на коллективную самооборону позволяет Японии более четко позиционировать себя как полноценного члена альянса в случае военного конфликта с участием США.

Предоставляя США логистическую и тыловую поддержку далеко за пределами Японии, Силы самообороны не могут остаться в стороне от любых подобных конфликтов. Главный риск заключается в том, что в процессе оказания сугубо «логистической» поддержки в адрес США японские военнослужащие сами могут оказаться объектами вооруженного нападения. Нередко в качестве негативного примера приводят Великобританию, которая из-за союзнических отношений с США вынуждена была участвовать в иракской кампании, в которой гибли британские военнослужащие¹⁸.

Кстати, такому риску, как указывают многие эксперты, могут подвергнуться не только японские военные, но и журналисты, активисты неправительственных организаций, бизнесмены. Речь при этом идет не только о жизни людей, но и о безопасности различных стратегических объектов (в том числе расположенных на территории Японии), что ставит на повестку дня вопрос о степени их уязвимости перед лицом потенциальных террористических атак. В этом смысле Японии предстоит перейти своего рода психологический барьер, распрощавшись с иммунитетом, предоставленным ей пацифистским статусом, и превратившись в страну, являющуюся полноправным участником вооруженных конфликтов, причем не только регионального, но и глобального масштаба.

Японская общественность обеспокоена также перспективой вовлечения Сил самообороны в совместные с США операции по сбору разведывательной информации и наблюдению в Южно-Китайском море, где в последние годы наблюдается эскалация территориальных конфликтов между Китаем и странами Юго-Восточной Азии. Соответствующее заявление с «выражением надежды» по этому поводу сделал в январе 2015 г. командующий 7-м Тихоокеанским флотом США Р. Томас¹⁹. Такой формат участия, как можно предположить, приведет к дополнительному обострению японо-китайских отношений, которые в настоящий момент в политической сфере и так находятся в замороженном состоянии.

Новое законодательство не дает однозначных ответов, как должно поступать правительство в случае гибели или пленения персонала Сил самообороны. Жизнь японских военнослужащих поэтому оказывается под угрозой даже в тех случаях, когда они не принимают непосредственного участия в боевых действиях, а сами эти конфликты не создают прямой угрозы суверенитету Японии.

Как можно оценить новую интерпретацию права на коллективную самооборону? Безусловно, она станет еще одним шагом на пути к превращению Японии в «нормальную страну», в которой отсутствуют какие-либо правовые ограничения на военное строительство.

Большой урон наносит новое законодательство и международному престижу Японии, основанному на ее уникальном статусе пацифистского государства. После войны 9-я статья конституции являлась для Японии одним из важных активов ее внешней политики. Япония завоевала высокий авторитет на международной арене благодаря своей экономической дипломатии и гуманитарной политике, включающей ее усилия по реализации программ помощи развитию, борьбы с бедностью, решения проблем образования, здравоохранения и др. В японском общественном мнении преобладает высокая оценка пацифистских постулатов Основного закона и по той причине, что в послевоенный период за пределами Японии не погиб ни один японский военнослужащий.

В этой связи серьезные сомнения вызывает и применяемый сторонниками правительства тезис о том, что новый закон якобы не имеет для Японии никакой альтернативы. Левые партии и значительная часть экспертов указывают на то, что, помимо военных средств, существуют еще и дипломатические, экономические и финансовые рычаги обеспечения безопасности, которые позволили бы Японии повысить свою роль в региональных делах с гораздо большей эффективностью. Согласно данной точке зрения, преимущественная ставка на военную компоненту во внешнеполитическом инструментарии может дать неверный сигнал странам-соседям, сохраняющим память о военной агрессии Японии в период Второй мировой войны, и спровоцировать дальнейший рост напряженности в Восточной Азии. Это в свою очередь не только не решит задачу укрепления военной безопасности страны, но наоборот, сделает страну более уязвимой для внешних угроз.

Чтобы снизить напряжение в обществе, правительство Абэ прибегло в сентябре 2015 г. к «демократическому» способу принятия пакетного законопроекта. Действующая власть не использовала преимущественные права нижней палаты, где у нее имеется ква-

лифицированное большинство, позволяющие ей повторно принимать законопроект, если в течение 60 дней верхняя палата его отвергла или не приняла никакого решения. В специальной комиссии верхней палаты были организованы публичные слушания, а к поддержке законопроекта удалось склонить несколько мелких партий, что создало видимость некоего парламентского альянса.

Между тем, даже в условиях резких протестов в обществе кабинет Абэ продолжал сохранять высокий по японским меркам уровень общественной поддержки. Единственное, что смогла организовать оппозиция, это попытки обструкции процесса принятия законопроекта с помощью процедурных уловок, например, выдвигая вотумы недоверия правительству и отдельным его членам. Но эта тактика была малоэффективной.

Принятие Японией новых базовых документов отвечает общей логике курса на коренной пересмотр традиционной политики в сфере безопасности. Анализ содержания стратегии показывает, что несмотря на пацифистскую риторику новый курс Токио явно отражает отход от традиционного понимания пацифизма как отрицания права государства на войну. Как отмечала газета «Асахи», «хотя правительство призывает к «пацифизму», это является не более чем шоу. Реальность заключается в том, что Стратегия отражает коренной поворот в политике Японии в сфере национальной безопасности»²⁰.

Парадокс заключается в том, что политика «активного пацифизма» в конечном счете неизбежно ведет Японию к отказу от антивоенной 9-й статьи конституции и превращает ее в «нормальное государство», которое будет делать упор на военную компоненту в политике обеспечения своей национальной безопасности. По выражению японского публициста С. Тахара, правительство фактически реанимирует лозунг революции Мэйдзи *фукоку кэхэй* — «Богатая страна — сильная армия», делая упор на его вторую часть²¹.

Повышение роли военных средств обеспечения национальной безопасности, которую отражает новая стратегия, вызывает серьезную озабоченность как со стороны стран-соседей, сохраняющих память о милитаристском прошлом Японии, так и со стороны мирового сообщества в целом. Китай и даже Южная Корея воспринимают новый курс Токио как проявление реваншистских амбиций. В результате возникает риск дальнейшей эскалации уже идущей полным ходом в регионе гонки вооружений, ухудшения психологического климата в отношениях между странами, дестабилизации международной обстановки.

Вместе с тем, следует отметить, что после посещения премьер-министром С. Абэ храма Ясукуни в декабре 2013 г. японский лидер воздерживался от шагов, которые бы создавали дополнительную напряженность в отношениях с соседями и служили бы объектом критики со стороны левых сил. Из его уст не звучало новых высказываний по поводу «несправедливости» Токийского трибунала. В августе 2015 г., в годовщину окончания войны, С. Абэ в своем выступлении солидаризовался с заявлением Т. Мураяма 1995 г., в котором было высказано раскаяние по поводу агрессивной политики Японии в Азии периода Второй мировой войны.

Более того, Абэ, рискуя навлечь на себя гнев со стороны правых организаций, являющихся его базой поддержки, проявил невиданную уступчивость по такому спорному вопросу в отношениях с Южной Кореей, как проблема «женщин для утешения». В декабре 2015 г. между правительствами двух стран была заключена историческая сделка — Япония согласилась выплатить из государственного бюджета в специальный фонд помощи пострадавшим 1 млрд иен.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что условия применения права на коллективную самооборону, на которые согласился С. Абэ в результате консультаций с партнером по коалиции партией Комэйто, оказались настолько жесткими, что фактически делают невозможным применение этого права в реалиях сегодняшней политики.

Действительно, в новой трактовке права на коллективную самооборону речь идет именно о прямом военном нападении на «страну, имеющую тесные связи с Японией», т.е. Соединенные Штаты. В действительности же такую ситуацию в обозримой перспективе представить крайне трудно, ибо речь идет о ядерном государстве, пока еще обладающем самой мощной экономикой и самой сильной армией в мире. Что касается локальных войн, в которые могут быть вовлечены США (за исключением ситуаций, напрямую затрагивающих японские национальные интересы), то боевые действия с участием американских военных вовсе не означают «нападения» на Америку, что в конечном счете позволяет Японии отказываться от участия в конфликте. К тому же, включенное в новую интерпретацию применения права на коллективную самооборону условие «кризиса самого существования» — угрозы безопасности Японии и коренным правам ее граждан — в нынешней реальности больше относится к категории гипотетических.

1. Стрельцов Д.В. Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной безопасности в 2013 г. // Вестник МГИМО. 2013. № 5. С. 25.
2. Кокка андзэн хосё сэнряку (гайё): [Основное содержание «Стратегии обеспечения национальной безопасности»]. URL: <http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/gaiyou.html>.
3. Хэйсэй 26-нэндо ико ни какавару бозэй кэйкаку но дайко ни цуйтэ: [Об «Основных направлениях плана национальной обороны»]. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2013/_icsFiles/afieldfile/2013/12/17/20131217-2_1.pdf.
4. Майнити симбун. 2013. 18 дек.
5. Тюки бозэйкэйрёку сэйби кэйкаку (хэйсэй 26нэндо — 30нэндо) ни цуйтэ: [О «Среднесрочной программе развития оборонного потенциала на период с 2014 по 2019 гг.».]. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2013/_icsFiles/afieldfile/2013/12/17/20131217-3_1.pdf.
6. Defense Programs and Budget of Japan. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/271016.pdf. P. 1.
7. Официальный сайт Совета национальной безопасности. URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/anzenhosyoukaigi/>.
8. Павлятенко В.Н. Обзор некоторых аспектов стратегии национальной безопасности кабинета Абэ // Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 24–25.
9. Асахи симбун. 2014. 1 июля.
10. *Tochibayashi Norimasa*. Japan's Contributions to International Peace. URL: http://www.pko.go.jp/pko_e/organization/researcher/atpkonow/article001.html.
11. *Pollmann M*. Could Japan Go Minesweeping in the Strait of Hormuz? URL: <http://thediplomat.com/2015/02/could-japan-go-minesweeping-in-the-strait-of-hormuz/>
12. Remarks by Secretary Carter and Nakatani at a Joint Press Conference. URL: <http://www.defense.gov/News/News-Transcripts/Transcript-View/Article/607035>.
13. Ампохоан сайкэцу то кокумин-но сисэн: [Принятие законопроекта о безопасности и взгляды народа]. URL: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/700/227302.html>.
14. Асахи симбун. 2015. 11 июля.
15. Санкэй симбун. 2015. 4 июня.
16. Асахи симбун. 2015. 11 июля.
17. Майнити симбун. 2014. 1 июля.
18. Там же.
19. *Kelly Tim, Kudo Nobuhiro*. U.S. would welcome Japan air patrols in South China Sea. URL: <http://www.reuters.com/article/us-japan-southchinesea-idUSKBN0L20HV20150129>.
20. Асахи симбун. 2013. 18 дек.
21. *Taxara Couturo*. 2014 нэн ва Окинава бэйгун кити мондай то сюдантэки дзэйкэн-га сётэн-ни: [В 2014 году в центре повестки дня будет проблема военных баз США на Окинаве и права на коллективную самооборону] // Nikkei BP net. 26.12.2013. URL: <http://www.nikkeibp.co.jp/article/column/20131226/378448/>